

К ВОПРОСУ ОБ ОБЩЕМ ЗНАЧЕНИИ ГЛАГОЛОВ
СОВЕРШЕННОГО ВИДА

И. Крекич

1. В аспектологии общее значение глаголов совершенного вида толкуется по-разному; не удалось создать единой концепции, добиться тождества взглядов. Причину этого мы усматриваем в том, что даже в кругу специалистов сталкиваются такие взгляды, которые на самом деле не противостоят друг другу, не исключают, а, напротив, дополняют друг друга.

2. В статье мы не ставили своей целью оспаривать используемые в специальной аспектологической литературе определения. Мы ищем ответы на вопросы, как соотносятся эти определения, каким образом они составляют диалектическое единство, как они дополняют друг друга с точки зрения философии и языка.

2.1. Г.Г. Клейн /один из представителей генеративной лингвистики/ в своей монографической работе указывает на модное явление генеративно ориентированных работ, которые /обычно из-за недостаточного знания традиционной терминологии/ либо отрицают, либо "вновь открывают" термины, и таким образом проходят мимо проблем, связанных с ними¹.

3. Что касается общих видовых значений, в аспектологии сформировалось три направления.

3.1. Представители самого распространенного направления сосредотачивают свое внимание на достижении правой границы действия, считая ее общим значением формы совершенного вида /Р. Якобсон, С. Карцевский, В.В. Виноградов, Е.А. Земская, И.П. Мучник, М.В. Панов, А.Н. Тихонов, А.А. Бойко и др./ . Этот взгляд стал известен в формулировке В.В. Виноградова: "...основная функция совершенного вида — ...сосредоточение внимания на одном из моментов процесса как его пределе" /подчеркнуто нами — И.К./ . "Обозначение действия в его течении, не стесненной мыслью о пределе процесса в целом, — основное, общее значение несовершенного вида"³. Обращая наше внимание на правую границу действия, Виноградов не отрицает в значении перфективов целостного

проявления действия: имперфективы и перфективы противопоставляются им, как не стесненные/стесненные "мыслью о пределе процесса в целом" /подчеркнуто нами — Й.К./³. К сказанному необходимо добавить, что в иерархии аспектуальных значений признак целостности пересекается с категорией "предельность II" /общее лексическое значение перфективных способов действия/⁴. Категория "предельность II" совмещает в себе на уровне "особенного" /"определенно-общего"/ все временно-предельные, количественно-предельные и качественно-предельные значения, в зависимости от того, какого предела достигают перфективы: временного, количественного или качественного.

3.2: Польский лингвист Эрвин Кошмидер при анализе "аспектуальных ситуационных типов" исходит из оппозиции "наступления" /"Eintritt"/ и "протекания" /"währen"/⁵. В своей формулировке Кошмидер выдвигает левую границу перфективного действия, не отрицая при этом целостного проявления перфективного действия: "Das perfektive Aspekt... drückt aus, dass das Ausgesagte von Sprechendem als Ganzes /подчеркнуто нами — Й.К./ betrachtet wird"⁶. Это Кошмидерово "наступление" /"Eintritt"/ восходит к Бругману, по мнению которого индоевропейский комплексивный аорист, фиксирующий в цепи событий последовательное действие, передает его в своей целостности: "Unmittelbar aus dem, was wir das Wesentliche der Aoristbedeutung genannt haben, versteht sich der Gebrauch, dass man durch den Ind. Aor. einen Vorgang... in seiner Totalität konstatiert"⁷. Последовательность /"секвентность"/ соответствует той функции перфективного глагола, которую Кошмидер называет термином "Eintritt" /"наступление"/. В.В. Гуревич считает эту секвентность общим значением глаголов совершенного вида: "признак, разграничивающий употребление видовых форм, заключается в способности сов. вида выражать цепь сменяющихся последовательных действий — особенность, не присущая виду несовершенному. Эту сущность значения совершенного вида мы условно назовем секвентностью /от лат. sequentia "следование"/

... Соответственно отсутствие данного признака в формах совершенного вида мы назовем несеквентностью"⁸.

3.2.1. Пока Э. Кошмидер в моменте "наступления" перфективного действия подчеркивает целостность проявления действия, шведский аспектолог С.Г. Андерссон делает упор на то, что "наступление" всегда предполагает достижение предела действия"⁹.

3.3. Третье направление в русской лингвистике восходит к Э. Черному, по мнению которого "самое обширное значение" совершенного вида состоит в том, что "он представляет действие собираательно, сомкнуто, в совокупности, суммарно, в сжатом виде"¹⁰. Такое же понимание общего значения глаголов совершенного вида сформулировано более сжато Ю.С. Масловым, по мнению которого глаголы совершенного вида передают действия "в своей неделимой целостности"¹¹. Наиболее конкретное объяснение целостности проявления действия дает А.М. Пешковский, который убедительно доказал, что глаголы СВ не могут сочетаться с фазовыми глаголами /начать, продолжать, кончить/, потому что перфективы в своем значении уже содержат семантические компоненты начала, продолжения и конца. После фазовых глаголов мы используем лишь имперфективные глаголы, так как в их значении отсутствуют вышеназванные компоненты; сочетаясь с фазовыми глаголами, имперфективы дополняют свое значение семами либо начала, либо продолжения или конца действия"¹². А.В. Бондарко оказывается прав, когда отмечает, что "значение неделимой целостности следует понимать прежде всего как невозможность деления действия на отдельные фазы"¹³. Жаль, что польский лингвист А. Богуславский в этой связи, возражая тонкому аспектологу А.В. Бондарко, утверждает, что "понятие неделимой целостности действия однако не только туманно, но и неверно постольку, поскольку оно предполагает отсутствие фаз, этапов действия"¹⁴. С этим утверждением Богуславского невозможно согласиться, потому что он неправильно понял, истолковал слова Бондарко. "Невозможность деления на отдельные фазы" -- не значит, что фазы начала, продолжения и конца действия "отсутствуют" в значении перфективов, а, напротив, предполагает одновременное наличие фаз начала, продолжения и конца

наступления перфективного действия. Даже в значении точечных глаголов в моменте наступления действия фазы начала, продолжения и конца как бы сливаются в одну точку. Итак, перфективность предполагает не отсутствие /как это Богуславский утверждает/, а, наоборот, наличие всех трех фаз /неотделимых друг от друга/ наступления действия.

3.3.1. Некоторые лингвисты склонны воспринимать перфективное действие как действие, собранное в одну "точку"¹⁵. Нет сомнения, что в русском языке имеются точечные глаголы, выражающие моментальное /точечное/ наступление перфективного действия, как например, глаголы семельфактивного /"крикнуть"/, тотивно-начинательного /"закричать"/, эгрессивного способов действия /"откричать"/ и др. Большинство глаголов совершенного вида фиксирует неточечное наступление глагольного действия.

Встает вопрос, как осуществляется целостность в значении тотивно-начинательных и эгрессивных глаголов. А. Белич подчеркивает перфективность и точечный характер начинательных глаголов: "auch hier wird ein Moment bezeichnet, der abgeschlossene Moment des Beginnens der Handlung"¹⁶. М.А. Шелякин обращает внимание на двусторонние границы целостного момента начала действия: "die Handlung des Anfangens wurde begonnen und beendet"¹⁷. К сказанному необходимо добавить, что начало всегда имплицитно⁺ продолжение действия.

С философской точки зрения все эти определения восходят к взглядам Гегеля на тотальность, по мнению которого начало и конец составляют определенное единство бытия, и даже каждый из них /начало и конец/ в отдельности является определенным моментом бытия /"im Dasein sind sie wieder anders bestimmte Momente"¹⁹. Определенность /в корне со словом предел/ предполагает двусторонние границы наступления момента тотивно-начинательного действия. Итак, значению русских ингрессивных /тотивно-начинатель-

⁺ "Имплицитировать" /по Стросону/ — значит "подразумевать", а глагол "подразумевать" имеет значение /по словарю Ожегова/ "предполагать в мыслях кого-что-н."¹⁸.

ных/ глаголов противостоит значение эгрессивных глаголов, которое перемещает фокус внимания на конечный /т.е. определенный/ момент действия. Предшествующая конечному моменту имперфективная часть эгрессивного действия является пресуппозицией /т.е. смысловым компонентом/ эгрессивной ситуации, выражающей наступление конечного момента действия:

/1/ "Тебя-то уж отпоминали, как Гришку моего..." /М. Шолохов. Тихий Дон, III. с. 60/.

/2/ Тебя-то еще не отпоминали, как Гришку моего...

Пресуппозиция:

Значение:

/1/' Тебя поминали

и перестали помянуть.

/2/' Тебя поминали

и не перестали помянуть.

Анализ этих примеров наглядно показывает, что "различие между пресуппозицией и значением в собственном смысле слова проявляется, например, в том, что они по-разному реагируют на отрицание: в область действия отрицания попадает только значение, но не пресуппозиция"²⁰.

В этой связи важно отметить, что момент начала в значении ингрессивов и момент прекращения в значении эгрессивов являются определенными /в корне со словом предел/ моментами действия. Смысловые компоненты обеих ситуаций составляют /1/ следующая за моментом наступления часть ингрессивного действия и /2/ предшествующая наступлению конечного момента часть эгрессивного действия. Они отодвигаются на периферию нашего сознания, выполняют вторичную роль; на первый план выдвигаются определенные моменты начала или прекращения глагольного действия.

В связи с вышеизложенным следует еще упомянуть о так называемых пантивных начинательных глаголах, в значении которых фазы начала, продолжения и конца не сливаются в одну точку, а расширяются во времени: они способны представлять наступление действия не только точно /как это свойственно тотивным начинательным глаголам типа закричать, заговорить и почувствовать/, но и дуративно²¹:

"Мало-помалу отец полюбил меня..." /Ф. Достоевский. Неточка Незванова, с. 203/. "Но, наконец, передо мной прояснело

мое положение, и я мало-помалу поняла, что осталась одна совершенно и живу у чужих людей" /Ф. Достоевский. Нечочка Незванова, с. 232/. "Мало-помалу я заметила,... что Катя становится со дня на день задумчивее" /Ф. Достоевский, Нечочка Незванова, с. 259/.

В значении пантивных начинательных глаголов /в отличие от тотивных, фиксирующих лишь точечное наступление действия/ наличествуют семы как постепенного, так и точечного наступления действия; они /подобно тотивным/ вызывают представление о продолжении уже наступившего действия или состояния: полюбил → любит, заметил → замечает, понял → понимает и т.п. Стоит обратить внимание на их дистрибуцию:

Можно сказать:

"Я мало-помалу поняла..."

"Он мало-помалу полюбил ее..."

"Она мало-помалу заметила..."

Но: "Мало-помалу я чувствовала..."

Невозможно сказать:

^xЯ мало-помалу понимаю...

^xОн мало-помалу любит ее...

^xОна мало-помалу замечает...

^xМало-помалу я почувствовала...

/почувствовать = тотивно-начинательный глагол!/.

Примеры показывают, что постепенное наступление действия свойственно лишь пантивно-начинательному глаголу.

4. Целостность русских перфективов всегда предполагает достижение предела действия. В зависимости от релевантности трех основных семантических компонентов /аспектуальный актанта, действие, время/ русские перфективы осуществляют целостность трояким образом:

а/ достижением качественного предела действия. О качественном пределе идет речь, когда действие достигло своей цели в аспектуальном актанта. /Об аспектуальном актанта см. 5.1./. Аспектуальный актанта в предложении может быть либо объектом, либо субъектом или иногда одновременно и субъектом и объектом: Мать сварила яйцо. Соседи построили дом. Небо потемнело. Отец уехал в Москву. Брат прочитал роман и т.п. Семиологически релевантным

компонентом качественно-предельных глаголов следует считать субстанциональный элемент ситуации, аспектуальный актанта. Действие доведено до своего качественного /внутреннего/ предела, если результат и конечная граница /конечный, крайний пункт/ действия совпадают;

б/ достижением количественного предела действия. О количественном пределе действия идет речь, когда действие количественно исчерпывается, когда действие количественно ограничено. Измеряется количество, степень меры и интенсивности действия. Сюда относятся количественно-предельные глаголы, как например, нагуляться вдоволь, немало наплакаться, заболтаться чересчур, крепко задуматься, убежаться и т.п. В значении количественно-предельных глаголов из трех основных компонентов выдвигается на первый план "действие", отодвигая "время" и "аспектуальный актанта" на второй план;

в/ достижением временного предела действия. Временного предела достигает действие у временно-предельных глаголов. Измеряется не количество действия, а количество времени действия. Временно-предельные глаголы обозначают определенное во времени действие. К ним относятся начинательные /заговорить, взречь, пойти/, эгрессивные /отгреть/, пердуративные /просидеть добрых два часа/, делимитативные /посидеть часок/ и семельфактивные глаголы /крикнуть, прокричать/. В их значении семиологически релевантным компонентом следует считать "время", первенство которому уступают и "действие" и "аспектуальный актанта".

5. За последнее время появились некоторые пунктуалисты, чьи взгляды на общее значение глаголов СВ напоминают субъективную точку зрения Карцевского, по мнению которого весь процесс перфективного глагола сводится к конечной результативной точке действия: "la reduction de tout procès à un point résultatif"²². Эта пунктуалистическая теория возобновляется А. Вежбицкой, по мнению которой "точка" есть начало нового состояния. Она считает "начало состояния" инвариантным значением всех перфективных глаголов: "We believe, that the impression of punctuality is connected with the semantic invariant of all the perfective

verbs: namely, with the semantic element of 'beginning': "On usnął = On zaczął spać /He fell asleep = He began to sleep/... Jan stworzył nową organizację = Jan wykonał pewne czynności, które spowodowały, że zaczęła istnieć nowa organizacja /John created a new organization = John performed some actions, which caused, that a new organization began to exist"/²³. Что у Карцевского является концом действия, то у Вежбицкой — началом состояния. Сведение общего значения перфективов к одной точке /к началу состояния аспектуального актанта/ воспринимается нами как импликация доведенного до качественного предела результативного действия. По нашему мнению, действие, достигающее своего качественного предела, имплицитно начало нового состояния аспектуального актанта, семиологически релевантного компонента результативной ситуации.

Карцевский и Вежбицка имеют в виду все глаголы совершенного вида, когда общим значением перфективов они считают результативную точку /"point résultatif"/ действия, названную Карцевским концом действия, а Вежбицкой — началом состояния. Оба упускают из виду временно- и количественно-предельные глаголы, достигающие в своем значении лишь своего количественного предела. В понимании Вежбицкой центр тяжести целиком переносится на субстанциональный элемент ситуации, на лексико-синтаксический компонент значения глаголов, несмотря на то, что лишь несубстанциональные элементы /действие, время, факт, событие/ составляют собственно лексическое значение глаголов²⁴. Только субстанциональными семмами ситуации /в отрыве от несубстанциональных сем/ не объясняется общее значение глаголов СВ. Такой односторонний подход неизбежно заводит в тупик. В этой связи более права М.Я. Гловинская, которая считает начало нового состояния смысловым инвариантом /т.е. смысловым компонентом/ перфективной ситуации²⁵. В ее толковании обнаруживается диалектика конца и начала, когда выражения "было достигнуто" и "начало иметь место" она использует как выражения, способные замещать друг друга: "описываемое положение было достигнуто /начало иметь место/"²⁶. Но такие и

подобные толкования применимы лишь к качественно-предельным глаголам.

5.1. Из толкований Вежицкой и Гловинской не выявляется, о чем состоянии идет речь в ситуации. Они упускают из виду семиологически релевантный синтаксический компонент результативной ситуации — аспектуальный актанта. С семантической стороны важно отметить, что действие может быть полностью закончено, а результата нет, так как результат зависит от факторов, лежащих вне действия, т.е. от аспектуального актанта, претерпевающего качественные или количественные изменения. Под аспектуальным актантам мы понимаем то лицо или предмет, которые в предложении выполняют либо объектную, либо субъектную функции, характеризующие глагол — по словам С.Д. Кацнельсона — "изнутри"²⁷.

5.2. На наш взгляд, смысл "начало нового состояния" аспектуального актанта не противоречит значению качественного предела действия, так как наступление качественного предела имплицитно начало нового состояния аспектуального актанта /как конец ночи предполагает начало утра/. Одно есть значение, другое — смысл. В первом /в значении/ соединены несубстанциональные и субстанциональные элементы результативной перфективной ситуации, а во втором /в смысле/ налицо только субстанциональный элемент.

6. Обобщая сказанное, можно дать следующее определение общему значению глаголов совершенного вида: целостность осуществляется в значении глаголов СВ либо /1/ наступлением качественного предела, либо /2/ наступлением количественного предела, либо /3/ наступлением временного предела; выражаясь более абстрактно — наступлением предела действия.

Примечания

1. H. G. Klein. *Tempus, Aspekt, Aktionsart*. Max Niemeyer Verlag, Tübingen, 1974, S. 90.
2. В.В. Виноградов. *Русский язык*. Изд. Учпедгиз, М., с. 498.
3. В.В. Виноградов. *Ук. соч.*, с. 489.
4. О категории "предельность II" см. подробнее: А.В. Бондарко. *Теория морфологических категорий*. Изд. Наука, Л., 1976, с. 202--203.
5. E. Koschmieder. *Nauka o aspektach czasownika polskiego w zarysie. Rozprawy i materiały wydziału i towarzystwa przyjaciół nauk w Wilnie*. Tom V. z. 2, Wilno, 1934, s. 234.
6. E. Koschmieder. *Studien zum slavischen Verbalaspekt*. 56. Band. Göttingen, 1929, S. 104.
7. K. Brugman. *Kurze vergleichende Grammatik der indogermanischen Sprachen*. Strassburg, 1904, S. 262.
8. В.В. Гуревич. О значениях глагольного вида в русском языке. *РЯШ*, № 5, 1971, с. 74.
9. S.G. Andersson. *Aktionalität im Deutschen. Eine Untersuchung unter Vergleich mit dem russischen Aspektsystem*. *Studia Germanistica Upsaliensia* 10. Upsala, 1972, S. 193; 196.
10. Э. Черный. Об отношении видов русского глагола к греческим временам. Оттиск из Журнала Министерства народного просвещения. СПб., 1877, с. 9.
11. Ю.С. Маслов. Роль так называемой перфективации и имперфективации в процессе возникновения славянского глагольного вида. Изд. Акад. наук СССР, М., 1958, с. 9.
12. А.М. Пешковский. *Русский синтаксис в научном освещении*. Изд. Учпедгиз. Издание седьмое. М., 1956, с. 108.
13. А.В. Бондарко — Л.А. Буланин. *Русский глагол*. Изд. Просвещение. Л., 1967, с. 31.
14. A. Bogusławski. К вопросу о семантической стороне глагольных видов. -- In: *Z polskich studiów slawistycznych*. Ser. 4. *Językoznawstwo. Prace nd VII międzynarodowy Kongres slawistów*. Warszawa, 1972, s. 232.
15. А.М. Пешковский. *Ук. соч.*, с. 110.
A. Wierzbicka. On the Semantics of the Verbal Aspect in Polish. — In: *To Honor Roman Jakobson. Essays on the Occasion of his Seventieth Birthday*. Mouton, The-Hague -- Paris, 1967, p. 2245.
16. A. Belić. *Zur slavischen Aktiosart*. Streitberg Festgabe, Leipzig, 1924, S. 2.

17. M.A. Scheljakin. Der Gebrauch der Aspekt- und Tempusformen des Indikativs in der russischen Sprachen. Fremdsprachenunterricht, 1969, № 3, S. 108.
18. П.Ф. Стросон. О референции. — В сб.: Новое в зарубежной лингвистике. Изд. Радуга, М., 1982, с. 68.
19. Georg Wilhelm Friedrich Hegels Werke. Dritter Band. Verlag von Duncker und Humblot, 1941, S. 105.
20. Ю.Д. Апресян. Лексическая семантика. Синонимические средства языка. Изд. Наука, 1974, с. 29.
21. J. Krékits. Die pantiven und totiven po-Ingressiva in der russischen Sprache. Slavica XX., Debrecen, 1984, S. 11—17.
22. S. Kartsewski. Études sur le système verbal du russe contemporain. Slavia I., 1922, № 3, p. 495.
23. А. Wierzbicka. Ук. соч., с. 2245.
24. Р.М. Гайсина. К вопросу о специфике значения глагола. Известия Академии наук СССР. Серия литературы и языка. Том 41, 1982, с. 60.
25. М.Я. Гловинская. Семантические типы видовых противопоставлений русского глагола. Изд. Наука, М., 1982, с. 107.
26. М.Я. Гловинская. Ук. соч., с. 94.
27. S.D. Kaznelson. Sprachtypologie und Sprachdenken. Akademie-Verlag, Berlin, 1974, S. 56.